

Анна
Веймер

ПОДОНОК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анна Веммер

Поденок

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Веммер А.

Поднок / А. Веммер — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Меня зовут Андрей Тихомиров. Десять лет назад мою жизнь разрушила маленькая лживая девчонка. Она еще не знает, что я вернулся, что наблюдаю за ней и совсем скоро она окажется в моей власти. Зачем мне веревка и дом в глуши, на побережье холодного моря? Я же поднок. Пытаюсь соответствовать. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава первая

Я знаю об этой сучке все.

Ее зовут Лиана. Она живет в комплексе на севере города, в хорошо охраняемом доме. Въезд во двор по электронным пропускам, консьерж в подъезде и всюду камеры видеонаблюдения. Это крепость, недоступная и защищенная. Она наверняка в этом уверена и не знает, как легко подобраться к ней, как легко наблюдать каждое утро ее пробежку. Достаточно лишь снять квартиру этажом выше. Преступника, у которого достаточно денег, мозгов и харизмы, не остановят шлагбаумы и камеры.

У нее длинные светлые волосы, за которыми она тщательно ухаживает. Раз в месяц ходит в салон, где равняет кончики и делает маникюр. Каждые две недели у нее новый дизайн ногтей. Если отключиться от реальности, нечеловеческим усилием вообразить, что смотришь на нее со стороны, то кажется, будто это обычная воспитанная девушка из хорошей семьи.

Я наблюдаю за ней уже полгода. Знаю расписание: в восемь пробежка, в девять поход в супермаркет, в двенадцать она гуляет в парке неподалеку со стаканчиком кофе, в шесть идет на курсы английского, а после полчаса-час читает, сидя на качелях во дворе. Она крайне редко отстывает от своего расписания.

Только на выходных, чтобы встретиться с моим сыном.

Их роман только начинается, но когда я понял, с кем именно у нее свидание, едва сумел удержать себя в руках. При виде того, как они смеются, сидя в кафешке за ноутбуком, внутри каждый раз поднимается волна разрушительной ярости.

Она – единственное, что мне осталось. Последняя доступная эмоция.

И еще странное садистское удовольствие от власти над жизнью Сергеевой. Она не знает, что я рядом. Даже иногда здоровается в подъезде, лишь мельком бросая равнодушный взгляд. Для нее я – безмянный сосед. Не представляющий ровным счетом никакой угрозы. Во мне сложно узнать Андрея Тихомирова, чье лицо не сходило с первых полос газет десять лет назад. Более того: я делаю ВСЕ, чтобы остаться неузнанным. До поры до времени.

Мечь – блюдо, которое подают холодным. Моя мечь ледяная. Я вынашивал ее очень долго, я готовился, продумывал каждую деталь того, что собирался сделать. Любая ошибка может стать роковой и последней.

Но с виду все идеально. Дом в отдалении от населенных мест, частная закрытая территория, над которой запрещены даже полеты любительских дронов. Ближайший город в тридцати километрах, а трасса в семи.

Машина с фейковым номером. Самая обычная, эконом-класса, из тех, что просто-напросто не имеют примет. Для моих целей гораздо больше бы подошел внедорожник или пикап, но безопасность превыше удобства. А девочка потерпит. Неудобный багажник – не самая большая ее проблема.

Она сейчас дома, не знает, что я почти готов. Что полгода я до мельчайших деталей прорабатывал свой план. Что в рюкзаке у меня уже готовы моток веревки, скотч, фонарик, бутылка воды и фальшивые документы.

Наверное, я себя убиваю. Наверное, это будет последнее, что я сделаю в жизни – но я так хочу. Сажу в машину, долго смотрю на старое потертое фото сына. Сейчас ему семнадцать, он совсем не похож на шептунного ребенка, которым я его запомнил. От той жизни не осталось ничего: новое имя, новый город. Новый папа. Вряд он хранит хоть одно воспоминание об отце, с которым провел первые годы своей жизни. Он не знает, что я рядом и, в отличие от Сергеевой, не узнает, надеюсь, никогда.

Смарт-часы на запястье мягко вибрируют, и сердце начинает биться чаще. Семь вечера: пора. Через полчаса занятия английским закончатся, и она пойдет домой. Посидит, по своему

обыкновенно, во дворе, а затем войдет в подъезд. Камеры уже не работают, машина стоит на парковке внизу. Это будет просто: девчонка худенькая, а я не терял даром времени.

Вместо крови в венах адреналин. Меня пугает, что нет ни одной мысли отказаться, в последний момент пойти на попятный и оставить Лиану Сергееву в покое. Только холодная решимость.

Я выхожу из машины и поднимаюсь в подъезд. Удивительно, как много дверей может открыть оранжевая рабочая жилетка. Консьержка даже не обращает на меня внимания, она полностью погружена в какой-то детектив в мягкой обложке.

Все готово. Не хватает только главной героини.

– То, что я сделала, будет преследовать меня всю жизнь. Люди вокруг меня даже не догадываются, какие тайны скрывает мое прошлое. Для них я – молодая амбициозная девушка. Бегаю по утрам, покупаю кофе в киоске напротив метро, выношу мусор и гуляю с собакой. Я – та, о ком соседи в выпуске новостей говорят "она была такой милой, я и понятия не имела, что она совершила!". Зло не всегда имеет образ мрачного нелюбимого мужчины. Иногда зло красиво. Иногда оно мило здоровается с вами в лифте.

Иногда зло – это вы.

– Спасибо, Лиана, – улыбается преподавательница, а я ежусь от прочитанного. – Мне не нравится только фраза "зло не всегда имеет образ". Давайте подумаем, как сделать ее более благозвучной?

Денис поднимает руку.

– Зло не всегда выглядит, как...

– Лиана? Ты согласна?

– Да, так лучше.

– Хорошо, это был не самый простой текст, но мне понравилось, как вы справились с переводом. Возникло ли у кого-то желание дочитать книгу?

Точно не у меня. Ненавижу детективы, ненавижу книги о преступлениях и насилии. Иногда мы читаем фэнтези или что-то лирическое, и тогда задания воспринимаются как развлечение. Я даже не думаю о том, что перевожу на оценку, я просто получаю удовольствие от чтения.

А иногда попадается вот такое. И я мучаюсь часами, переводя одну страницу. Когда я только записывалась на факультативный курс по современной англоязычной художественной литературе и основам перевода, мне выдали примерный список произведений, но я давно его потеряла. Так что теперь с интересом жду новых заданий. Наверное, неправильно не дочитывать часть заданных книг, но преподаватель с пониманием относится к чужим вкусам, что редкость.

Так, например, глубоко верующей девушке в нашей группе разрешают заменять книги про магию на что-то схожей сложности, но другой тематики. Единственному парню разрешают не читать любовные романы. Ну а мне позволено игнорировать кровавые триллеры и детективы. В конце концов, мы платим большие деньги за этот курс и не должны страдать от занятий. Это основа бизнеса: конечная цель языкового центра не только научить нас предмету, но еще и сохранить как клиентов.

Я иду с пары в хорошем настроении. На следующую неделю задали книгу Пулмана, которую я читала в оригинале и без заданий, еще на первом курсе. Конечно, придется сделать художественный перевод нескольких страниц, написать впечатления и быть готовой представить задание перед группой, но это мелочи.

Обычно после занятий я дышу воздухом и проветриваю голову: сижу во дворе, дочитывая очередную книгу, или брожу по парку. Но сегодня я уже решила не дочитывать детектив с жутким прологом, а еще, кажется, собирается дождь. Так что вместо привычного вечернего променада я направляюсь к подъезду.

– Девушка! – окликает меня кто-то, когда я уже закрываю за собой дверь. – Девушка, подождите!

Ко мне спешит мужчина в светоотражающей желтой жилетке рабочего.

– Да?

– Помогите мне, пожалуйста! Дайте позвонить, а? Там на парковке меня какой-то м... то есть, жилец ваш запер. Номер под стеклом есть, но у меня мобила сдохла.

– Так поднимитесь к консьержке, – говорю я. – Она позвонит и даже номер квартиры скажет.

– Я уже три раза ходил, она куда-то смылась, – недовольно бурчит мужчина. – Ну, дайте, пожалуйста, я домой хочу, я вам камеры чинил. Думал, за час управлюсь, и уже два тут сижу! Если боитесь давать телефон, позвоните сами, попросите отогнать машину!

Мне не очень хочется заниматься чужими проблемами, хотя обычно я с удовольствием помогаю, если есть время. Но сегодня почему-то жутко хочется домой, оказаться в родной квартире как можно раньше.

– Хорошо, – сдаюсь я, – давайте номер.

Мужчина смотрит укоризненно. На нем очки в пластиковой черной оправе, лицо не выбрито, а волосы отросли чуть длиннее, чем нужно для опрятного вида. Но телосложение просто потрясное, даже через теплую весеннюю куртку видно, что спортзалом он не пренебрегает.

Интересно, это во мне сейчас девушка интересуется?

А еще он смотрит на меня, как на дурочку, даже стыдно становится.

– Номер-то за стеклом.

– Хорошо, – смеюсь я собственной недогадливости, – идемте, я позвоню.

– Вы не хотите консьержку сменить? – спрашивает рабочий, пока мы огибаем дом и спускаемся к подземной парковке. – Она, вроде, должна быть на посту. А как смылась, так и с концами.

– Хотим, но кто пойдет на такую зарплату? Только пенсионерки. А они как на подбор коммуникабельные. Заводят себе подружек из числа проживающих бабушек и бегают к ним чай гонять во время смен.

– Да за это время можно весь чайный запас ближайшего супермаркета выпить! Извините. Замерз просто, от подъезда-то ключей тоже нет.

– А разве вам не выдают в ЖЭКе? – удивляюсь я.

– Я же из стороннего сервиса. Нас, по идее, и должна проверять консьерж.

– Сочувствую.

На парковке уже много машин, но совсем нет людей, время близится к вечеру и большинство жильцов вернулось домой. Слева я действительно вижу запертую в углу машину, и на душе становится легче. Я будто все время чего-то опасалась. Хотя опасаться, по сути, нечего: всюду установлены камеры. Один из неоспоримых плюсов нашего ЖК.

Мы останавливаемся рядом с машинами, и я набираю номер, написанный на картонке за стеклом. Связь здесь отвратительная, механический голос девушки звучит будто издалека.

"Неправильно набран номер".

Я хмурюсь и начинаю сверять цифры. Неправильно переписала, что ли?

И в этот момент мой рот зажимает мужская рука.

– Спокойно, – когда я пытаюсь вырваться, прямо на ухо говорит мужчина. – Будешь дергаться – шею сверну, поняла? Поняла?!

Я медленно киваю, а сердце в груди бухает, как сумасшедшее. Раздается странный треск – и рот мне заклеивают скотчем. Накрывает дикой паникой: я дергаюсь несколько раз в надежде вырваться, но захват слишком сильный. Скотчем незнакомец обматывает и мои запястья.

– А теперь, моя дорогая, давай-ка в багажник. Тебе там будет удобно, я даже подушечку купил.

Его машину не заперли – это он своей машиной запер чужую, чтобы я не сразу заподозрила подвох. Идиотка! Какая же идиотка: пойти на паркинг с незнакомцем, поверив оранжевой жилетке! Ее он тоже нацепил для маскировки?! Что, черт возьми, ему от меня нужно?

Меня бьет мелкая дрожь, когда я вижу в его руке блестящий ствол пистолета. В отчаянной надежде я оглядываюсь на камеры: вдруг консьержка вернулась?! Видит все это и вызовет полицию?

Он замечает мой взгляд:

– Они не работают. Лезь в багажник, иначе я просто пушу тебе пулю в лоб и, поверь, это для меня проще, чем тебя уговаривать и везти.

Почему-то кажется, что он не шутит. На мгновение в его голосе мелькает такая ярость, что меня будто обдает ледяным ветром. Ничего не остается, кроме как повиноваться. Я неловко сажусь в багажник, а когда мужчине надоедает ждать, он силой укладывает меня на дно. Голова опускается на подушку и это, казалось бы обнадеживающее проявление комфорта, вызывает новый приступ ледяного страха. Я чувствую, как от желания разреветься к горлу подкатывает болезненный ком. Воздуха не хватает, но это всего лишь паника.

Меж тем незнакомец крепко обматывает мои ноги веревкой, связывая их так, чтобы я не смогла бить по багажнику или стенке. Стаскивает с меня ботинки и шапку.

Когда он достает из кармана нож, я истерично пытаюсь вжаться в заднюю стенку багажника, но он просто разрезает пояс на куртке, оставляя меня в тонком кашемировом свитере. Забирает сумку, телефон, проверяет карманы и, убедившись, что я совершенно безоружна и беспомощна, бросает на пол рядом бутылку воды.

– Приятного путешествия, Лиана.

А затем закрывает крышку багажника, оставляя меня в темноте.

Сердце оглушительно бьется в абсолютной тишине. Я чувствую вибрацию – машину заводят. А затем движение. Кажется, это все какой-то жуткий сон. Иногда в таких снах мне удавалось взять ситуацию под контроль и проснуться. Или направить сознание в более позитивное русло.

Но сейчас проснуться не получается. Слезы все-таки обжигают глаза, но я заставляю себя собраться. Вот только плохи дела: искать меня до поры до времени никто не станет. Если похититель не лжет, и камеры не работают, значит, он все как следует продумал. И еще он знает мое имя.

Это не случайное похищение заезжим маньяком. Это что-то другое.

Когда голова занята действиями удушающая паника немного отступает. Мои руки обмотаны скотчем спереди. Сначала я сдираю скотч с губ и пытаюсь кричать, стучать по багажнику в надежде, что меня хоть кто-то услышит! Может, машина остановится? На светофоре? Заправке? Я кричу и кричу, но безуспешно, кашляю, срываю голос и снова пытаюсь кричать. Потом замечаю, что багажник обит какой-то тканью. Звукоизоляция?

По коже проходит мороз, когда я думаю, с какой тщательностью он готовился.

Очень хочется пить. Рядом валяется бутылка воды, но пить из нее страшно. Там может быть снотворное или еще что похуже. Сколько я так мучаюсь и уговариваю себя потерпеть, не знаю. Когда сухость во рту становится нестерпимой, не выдерживаю и открываю бутылку. Это не так уж просто сделать со связанными руками, но хоть чуть-чуть ослабить скотч не выходит.

Вода смягчает горло, я снова получаю возможность кричать. Теперь делаю умнее и кричу лишь когда чувствую, что машина останавливается. Ну, кто-нибудь! Кто-то же должен услышать?!

Постепенно остановок становится меньше и надежда гаснет. Даже страх притупляется, из острой пряной паники переходит в глухую тревогу. Тело затекает в неудобной позе, я пытаюсь

немного двигаться, но места совсем нет. Сколько времени проходит, не знаю. Но когда машина после долгого периода движения снова останавливается и двигатель затихает, внутренности с новой силой сковывает ужасом.

Багажник открывается. Я вижу звездное небо, уже глубокая ночь. Меня обдает пронизывающим насквозь весенним северным морозом.

– Приехали. Вылезай.

Это не так-то просто сделать со связанными ногами. Ему приходится разрезать скотч и силком вытащить меня из машины. Затекшие ноги подгибаются, и я едва не падаю на землю.

– Помогите! – кричу, вкладывая в крик остатки голоса.

– Ори на здоровье, – хмыкает мужчина. – Здесь на много километров вокруг никого нет.

– Кто вы такой?! Что вам нужно?! Отпустите меня! Меня будут искать!

– Кто? Консьержка? Пошли, я сказал! Не все сразу.

Он тащит меня к небольшому двухэтажному дому. Его вид меня поражает: нет ни грамма ветхости, запустелости. Это словно чья-то дача, оставленная на зиму. Симпатичный каменный домик с верандой, круглым окошком на чердаке и выходом к морю.

Стоп. К морю?!

Открыв рот, я смотрю на бескрайнее, затянутой пленкой льда, северное море. Побережье... твою же мать, оно в четырех часах езды от города! Здесь действительно безлюдные места, если я хорошо помню дорогу.

В голове шумным роем теснятся вопросы. Это его дом? Откуда деньги? Что ему от меня нужно? Что он будет со мной делать?

Дом встречает темнотой. Он, конечно, совсем необжитый, не видно ни личных вещей, ни чего-то, что может помочь при побеге. Мы поднимаемся по лестнице на чердак, который я увидела еще с улицы. Здесь есть все, что нужно для жизни: кровать, письменный стол со стулом, шкаф с открытыми полками. Меня вталкивают на середину комнаты, а затем похититель просто уходит.

– Нет! – Я бросаюсь к двери, но лишь слышу, как щелкает замок. – Выпустите меня! Что вы собираетесь делать?! Отпустите меня, пожалуйста, я никому ничего не скажу!

В ответ только тишина.

На чердаке нет света. Просто нет ни одной лампы или хотя бы фонарика. Глаза вскоре привыкают к темноте, и я исследую доступное жизненное пространство. Двигаюсь просто чтобы снова не накрыло ужасом от ситуации, в которой я оказалась.

Здесь есть дверка в ванную. Там тоже выкручена лампочка, да и вообще нет ничего, что можно было бы разбить и использовать в качестве оружия. Душевая кабина, унитаз, раковина, змеевик, на котором висит небольшое махровое полотенце с ярлычком. Ярлычок, как и многие мелочи здесь, пугает.

Он готовился. Переделывал чердак, чтобы можно было меня здесь запереть. Тщательно приводил в порядок каждую мелочь, каждый уголок.

Стул, стол, постель и шкаф невозможно сдвинуть с места, они наглухо прибиты или приклеены к полу. Окно не открывается, а до потолка я не достану даже если заберусь на столешницу.

Никаких шансов. Я в клетке, из которой есть лишь один выход: дверь. Но за ней меня стережет какой-то монстр.

Глава вторая

– Папа, папа, я нарисовал дракона!

Митя, увидев отца, несется через весь двор, размахивая листком с разноцветными каракулями. Я опускаюсь на корточки, чтобы обнять сына и делаю вид, будто внимательно рассматриваю дракона.

– Какая красота. Это тебя на занятиях научили?

– Да!

– Надо к дракону нарисовать принцессу.

– Папа, драконы не едят принцесс!

Подходит Надя, и они вместе смеются.

– Ему понравилось на занятиях?

– Да, там даже мне понравилось. Пока чадо развлекают, можно кофейку выпить, посидеть в тишине.

Я с наслаждением привлекаю к себе жену. Митька вертится у ног и тоже лезет обниматься.

– Как ты долетел? – спрашивает Надя после долгого поцелуя.

– Как всегда, трясло хорошо. А вы тут как? Не скучали без меня?

– Папа! Пойдем, поиграем в футбол?

– Мить, – Надя хмурится, – папа только что с самолета, папа устал. Давай завтра?

– Ладно, – грустно вздыхает сын.

Я никогда не мог ему отказать, когда он смотрел так грустно и с надеждой.

– Десять минут!

– Ура-а-а! – Чадо несется к друзьям. Весть о том, что с ними будет играть взрослый, производит фурор.

– Тихомиров, так детей не воспитывают. Он из тебя веревки вьет.

– Пусть вьет, – довольно отвечаю я, – строгий родитель у нас ты.

Не признаваться же, что я обожаю наши игры? Что чувствую себя совершенно счастливым, гоняя мяч с семилетками? Что испытываю детский восторг, покупая новый конструктор или радиоуправляемый вертолет? Что запоминаю каждую улыбку сына, его смех, что ради его благодарности я готов свернуть горы.

Отцы должны быть строгими и справедливыми, но я не такой. Я для Митьки не только папа, но и друг. Это то, чего мне не хватало в собственном отце и это то, что я постараюсь сохранить для сына на все время, что нам отведено быть вместе.

– Го-о-ол! – кричит он, а я делаю вид, будто раздосадован пропущенным мячом.

Дети смеются и обнимаются, у них радость: они обыграли взрослого. В своих фантазиях они – великие футболисты.

– Тихомиров Андрей Дмитриевич? – вдруг раздается голос за моей спиной.

Оборачиваюсь. За пределами коробки стоит мужчина в темно-серой кожаной куртке. За ним – милицкий бобик.

– Старший следователь Кириллов, проедемте в отделение.

– На каком основании? Где повестка?

– Андрей Дмитриевич, ну ведь дети же. Не заставляйте меня применять силу.

Дети.

Это последний раз, когда я вижу сына.

Дорога меня измотала. Так я думаю после короткого сна в гостиной. Я сел на диван просто чтобы перевести дух и сам не заметил, как заснул. Хотя себя не обманешь. Измотала не дорога, измотали обстоятельства этой дороги. Даже смешно: я так долго убеждал себя,

что после всего будет просто похитить Сергееву, что совершенно не задумывался, что будет дальше.

А сейчас сижу, смотрю в ночную мглу и напряженно вслушиваюсь в тишину. Но все тихо. Девчонка или заснула или успокоилась. На всякий случай я открываю ноутбук и включаю камеру на чердаке. Настолько не ожидаю встретиться с Сергеевой взглядом, что рука с ноутом дергается.

Она вряд ли заметила камеру, искусно вмонтированную в потолок, но смотрит она прямо в мой экран. Не спит, просто смотрит и о чем-то думает. Хотел бы я знать, о чем именно.

Усилием воли заставляю себя закрыть ноут и отправиться на кухню. Надо сообразить завтрак, да и перекусить что-нибудь не мешает. А еще стоит побриться. Правда, тогда Сергеева явно меня узнает, а мне хочется подольше остаться безымянным неадекватом.

Я думал, буду наслаждаться ее страхом. В мельчайших деталях представлял, как буду смаковать каждую минуту, которую она проводит в неизвестности. Не зная, кто я, за что она здесь и какая судьба ее ждет.

Думал, это принесет удовлетворение. А принесло какую-то странную горечь.

Где-то далеко рос Митя, мой сын, который так неосторожно влюбился в девушку-проклятие. Наверное, она ему нравилась. Красивая девка, яркая, знающая себе цену. Наверное, он ее оберегал. Отдавал ей свою куртку, если мерзла, грел ладони в своих, смешил и развлекал. Дарил цветы? Я никогда не видел этого, мне лишь пару раз удалось понаблюдать за ними в одной из городских кафешек.

Оказывается, вместо удовлетворения от того, что все получилось легко и просто, я еще буду испытывать острое чувство сожаления от того, что наверняка причиняю боль собственному сыну. Что он будет ее искать. Переживать, нервничать и винить себя за то, что не защитил.

Все это настолько неожиданно, что я чувствую растерянность. Стою у холодильника и просто смотрю на продукты, понятия не имея, что буду делать. Не сейчас, а вообще. Даже не с Сергеевой, с ней-то как раз все понятно. А со своей жизнью, я ведь ни разу еще не думал о будущем.

Я заставляю себя стряхнуть сомнения, отключить непрошенные мысли и заняться завтраком. На сковородку идет бекон, следом пять яиц и – храни маркетологов! – из пакета я высыпаю уже третий сыр. Не самого лучшего качества, зато без грязи и геморроя. До завтрака еще рано, но мне плевать, остынет он или нет. На поднос я ставлю стаканчик с чаем, тарелку с яичницей и беконом, два доната и кусок сахара.

– Не ресторан, – усмехаюсь, представляя реакцию Сергеевой на скромную снесь.

Вся посуда бумажная, даже ложка. Ни единого шанса использовать хоть что-то в качестве оружия или орудия. Мне кажется, я предусмотрел каждую мелочь, но на самом деле понимаю, что от ошибок не застрахован. И держусь начеку.

Она подскакивает на постели, когда я открываю замок и вхожу. Смотрит, со страхом следит за моими движениями. Мои черты скрывает темнота, но скоро придется перестать играть в анонима. Не сегодня, сегодня я слишком устал.

Ставлю поднос на пол у двери и выхожу.

– Нет! Подождите! Кто вы такой?! Что вам от меня нужно?!

Если бы я знал ответ на этот вопрос, детка, я бы уже давно сказал. Что нужно? Разве можно взять что-то взамен потерянного общения с ребенком? Разве можно откупиться в счет разрушенной семьи?

– Выпустите меня! Ну, пожалуйста!

Желание дамы закон. Вот только желания нужно четче формулировать.

Я смотрю на поднос и прижимаю ладонь к груди. Слева, где сердце. Мне кажется, только так я смогу его успокоить, потому что оно бьется с такой силой, что страшно. Мне до ужаса

хочется есть, в последний раз я ела перед выходом на курсы, да и то скорее перекусила бутербродом и кофе. Потом были часы ужаса в машине, которые сменились постоянным изматывающим страхом здесь, в доме.

Яичница пахнет умопомрачительно. Больше всего на свете хочется наброситься на еду, но проклятая гордость отчаянно сопротивляется. Я должна, как в книгах, устроить голодовку, заставить его хоть что-то объяснить, в конце концов, гордо и независимо умереть несломленной.

Но к черту книги. Они не помогают. Я беру поднос, сажусь за стол и набрасываюсь на еду. Наверное, стоит повременить, убедиться, что ничего не подмешано, но, в конце концов, я уже пила его воду и ничего не случилось. В беконе спрятать наркотики или снотворное сложнее.

Он кажется смутно знакомым – вот какая мысль беспрестанно бьется в голове. Я где-то видела этого мужчину! Но где? Во дворе, пока он присматривал жертву? В универе, среди студентов и преподавателей? На курсах? В доме... в доме! Да!

От переизбытка эмоций я вскакиваю, едва не упав и больно ударившись о прибитый к полу стул.

Голос мне знаком! Хрипловатое хмурое отрывистое "здрасьте" в лифте – это сосед сверху!

Еще более странно. И страшно, потому что сосед, похищающий девушку, живущую на этаж ниже, совершенно точно не собирается оставлять ее в живых. Это всерьез происходит со мной?

Я заканчиваю с ранним завтраком (хотя, судя по темноте за окном, это скорее поздний ужин) и стучу в дверь.

– Вы слышите меня?! Эй! Послушайте, давайте поговорим!

В ответ неизменная тишина.

Я не смогу сегодня заснуть. Наверное, буду лежать до самого утра, прислушиваясь к звукам в доме. Гадая об ожидающей меня судьбе. Воображая самые страшные кошмары, которые только способна сгенерировать фантазия. Больше всего на свете мне хочется проснуться утром в своей постели и снова увидеть в окне голубое небо.

Какой же я была душой!

Последние полгода мне казалось, мир потерял краски. Я закончила бакалавриат и оказалась на развилке, которая пугает большинство новоявленных специалистов. Но меня эта развилка напугала так сильно, что я не смогла сделать ни шага вперед. Наверное, это было что-то вроде депрессии, ведь я часто думала о том, что жизнь, лишенная цвета, запаха и вкуса, не имеет никакой ценности.

Сейчас я знаю, что это полная хрень. Больше всего на свете я хочу выжить. Вернуться в серый мир, вернуться к опостылевшим делам. Я найду применение времени, определенному судьбой, найду в себе силы двигаться дальше, только бы исчезли серо-коричневые стены домика у северного моря, только бы вместо наглухо запертой двери снова увидеть родной электрический камин и туалетный столик, косметику на котором я не трогала уже много месяцев.

Мне на миг даже кажется, что это какая-то программа по избавлению от депрессии, организованная отцом. Наподобие тех реабилитаций для зависимых, где их держат в закрытом доме вдали от цивилизации и заставляют работать, чтобы отвлечься от мыслей о дозе.

Отвлеклась, ничего не скажешь.

К собственному удивлению я засыпаю. Тревожным поверхностным сном, но все же проваливаюсь в спасительную темноту, которая позволяет не думать, не бояться и не мучить саму себя.

Когда просыпаюсь, на столике уже нет подноса с остатками еды, зато есть сырная фаготтини в упаковке и пластиковая бутылка с йогуртом. Мысль о том, что он вошел сюда, а я не проснулась, изрядно пугает.

Я не нахожу расчески, видимо потому что ее легко использовать в качестве оружия, и просто кое-как пытаюсь пригладить длинные волосы. Смотрю в окно. Единственный плюс моего положения: потрясающий вид на море. Если я здесь умру, то хотя бы насладившись крошечным клочком красоты.

Скоро весна, и лед на море уже оттаивает. Странно, но живя в такой близости от него, я ни разу не ездила отдыхать в это место. Кому нужно северное море, когда есть Турция или Италия? Хочется понежиться на пляже, окунуться в лазурную воду. А не стучать зубами, любуясь на северное побережье и стоя на холодном песке, который забивается в кроссовки.

Но красота неопишуемая. Бесконечный светлый горизонт с низкими сероватыми облаками.

Нет уж! Я просто так не сдамся. Нужно как-то выбраться, а затем найти дорогу. Она наверняка идет вдоль побережья. Остановить машину и попросить позвонить в полицию, сейчас же у каждого первого мобильник!

Правда, у похитителя машина. И он без проблем догонит меня, едва поймет, что я сбежала, но попытка не пытка.

Я беру йогурт и задумчиво брожу по комнате туда-сюда, разрабатывая план. Вариантов у меня не много, а те, что имеются, предполагают по большей части адовое везение. Но и выбора особого нет.

Сначала осматриваю замок, но там даже скважины нет! Похоже, это просто щеколда или навесной замок снаружи. Значит, нужно во что бы то ни стало выбраться из комнаты, хотя бы на время. Он все предусмотрел, подонок, мне не отпроситься в туалет – он здесь есть, в душ, поесть, попить. Но должен же быть способ, который отвлечет его и заставит хотя бы минут на десять вытащить меня отсюда!

Мне страшно решаться, но сидеть здесь в неизвестности нет сил.

– Выпустите меня! Слышите?! Выпустите немедленно!

Я старательно имитирую истерику, уже зная, что он окажется глух к ней. Стучу в дверь руками, ногами, умоляю и требую. Потом рыдаю. Не очень правдоподобно, но вообще при нервном срыве сложно реветь, как в кино: красиво и трагично.

Потом я иду в ванную, открываю кран в раковине и в душе. Пусть думает, что я умываюсь. А я пока устрою потоп.

Смотрю, как вода набирается в раковину и понимаю, что просто потопа мало. Мужик просто заставит меня убирать последствия и перекроет воду. Нужно что-то, чтобы он начал разбираться, а значит...

Я как следует отрываюсь: лезу под ванну. Трубы пластиковые, ремонт на чердаке явно новый, но не капитальный. Даже если здесь и предполагалась ванная комната, то делать ее пришлось почти с нуля. Промашка похитителя: он не подумал, что я полезу сюда.

Не думаю о том, что мне может попасть. Эмоциональный подъем такой, что я готова свернуть горы. Скручиваю вентиль перекрытия воды и смываю его в унитаз. Теперь как минимум придется идти за ключом. Затем я вырываю трубы слива из раковины и вся вода оказывается на полу. Я вся мокрая, пальцы исцарапаны, но вода уже всюю подбирается к комнате. Меня трясет от всплеска адреналина.

Сколько проходит времени? Немного. Зачарованно смотрю, как воды все больше и больше, как она заливают пол. А потом распаивается дверь, являя мужчину.

– Какого хера ты творишь?! – рычит он и этим выводит меня из ступора.

Я отскакиваю к стене и молюсь, чтобы выглядела достаточно убедительно.

– Выпустите меня! Мне страшно, ясно?! Выпустите, я сказала!

Он осматривает разрушения и матерится. Потом думает, сверлит меня тяжелым взглядом. На нем мешковатая толстовка и бейсболка, лица почти не видно: те черты, что не скрывает тень от козырька, успешно маскирует густая борода.

– Идиотка, – цедит он. – Останешься без воды! Иди сюда.

Хватка у него стальная, но сейчас, когда он тащит меня по лестнице вниз и вталкивает в ближайшую комнату, я готова ликовать. Получилось!

– Сиди здесь. Если выкинешь что-нибудь еще, я привяжу тебя к батарее и будешь спать на полу, ясно?!

Это какой-то чулан, в котором ни развернуться, ни толком расположиться. Кривоватые полки, швабры, чистящие средства. Даже странно, что он запер меня именно здесь. Неужели не боится, что я прысну ему чем-нибудь в лицо? Хотя он больше меня в два раза, такой ничего не боится.

Зато здесь есть замок! Такой же как на двери в ванную. В нормальную ванную, разумеется. Я быстро осматриваю содержимое чулана и нахожу на какой-то инструкции к автоматическим воротам гаража скрепку. Порывшись еще, получаю и вторую. Замки на таких дверях самые простые, никто не думает о том, чтобы запирать в чуланах похищенных девиц.

Руки дрожат, но я заставляю себя сосредоточиться. Я ведь делала это уже в глубоком детстве. Играла в шпионку и всегда вскрывала небольшие замочки на дневниках или маминых шкапулках.

К счастью, дверь поддается! Я даже дышать перестаю, когда понимаю, что могу открыть ее, но нечеловеческим усилием заставляю себя замереть и прислушаться. Сверху доносятся тяжелые шаги и плеск воды – похититель еще не разобрался с потоком. Я стараюсь двигаться бесшумно, выскальзываю наружу и спускаюсь по лестнице вниз.

Быстро бежать нельзя, можно на что-нибудь налететь или разбить, так что есть время осмотреться. Как он вообще попал в этот дом? Хозяйева приезжают сюда только на лето? Не принадлежит же он этому мужику, право слово!

Внизу я вижу ноутбук и ахаю: на экран выведено изображение с камеры на чердаке. И даже из ванной! Господи, да он за мной все это время наблюдал и каким-то чудом не увидел, что я творю с водой!

Псих. Ненормальный неадекватный псих!

Входная дверь заперта, но, к счастью, на обычный замок, изнутри.

Легкие обжигает утренняя прохлада. Весна еще в свои права до конца не вступила, температура держится в районе нуля и без куртки, босиком, бежать холодно. Но оставаться в этом жутком доме слишком страшно.

Я запрещаю себе радоваться и надеяться. Просто оббегаю дом, пригнувшись и держась у самой стены, чтобы не было видно, и несусь к выезду. А вернее, туда, где на земле слабо виднеются следы шин. Я не знаю, откуда мы приехали, машины не видно, но надеюсь выйти хоть к какой-нибудь цивилизации! Если идти сначала перпендикулярно морю, а затем параллельно, то можно найти дорогу.

Держаться леса. Он поедет догонять меня на машине, а из машины почти невозможно заметить хрупкую фигуру среди листвы. И самое важное: постараться до ночи найти убежище, в котором можно согреться. Иначе весенние ночные морозы попытаются меня убить.

Дыхания не хватает, ноги непривычно подворачиваются от каждого неудачно попавшего камня, но я несусь вперед, не понимая, вышла за территорию дома или нет. Через не слишком-то густой лес ведет узкая дорожка, по которой я и спешу.

Мне кажется, я иду уже очень долго. Во всяком случае, минут пятнадцать, не меньше. Поэтому, как только я утыкаюсь в глухой забор, внутри что-то обрывается. Его не обойти и не перепрыгнуть. Высота метра в два, колючая проволока наверху. Забор уходит влево почти до самого моря, выход через которое тоже закрыт сеткой.

– Нет! Нет! Нет!

Я иду вдоль забора вправо, но он все не кончается и не кончается! Мне хочется разрваться. Он просто огибает территорию дома. Огромную территорию, но закрытую. Я нахожу

ворота, которые, очевидно, и есть проезд к дому, но на них нет ни замка, ни пульта управления. А забор все продолжается и продолжается, ведет меня кругом к морю.

Последние метры до пляжа я преодолеваю стиснув зубы и остатки сил направляя на то, чтобы не разреветься вслух. Мне кажется, я иду на автопилоте, больше всего на свете хочется упасть на землю и отключиться.

Это какой-то сон. Жуткий сон, который просто затянулся и скоро все пройдет.

На пляже я неудачно наступаю на камень, и нога подворачивается. От боли из глаз сыплются искры, я издаю слабый стон сквозь зубы. Но зачем-то бреду к кромке воды.

Из этого места нет выхода. Можно пойти по воде в надежде обогнуть сетку, северное море на первой сотне метров совсем мелкое, но я понимаю, что это самоубийство. Лед уже не держит, а вода ледяная. Без обуви это нереально. Ворота управляются с пульта в доме или с приложения. Может, и есть способ открыть их, но я вряд ли найду.

Накрывает страшным пониманием: мне отсюда не выбраться. И придется вернуться к нему в дом. Я слишком долго ходила по участку в поисках выхода, вернуться и незаметно отправить с его ноута просьбу о помощи уже не выйдет.

Идиотка! Надо было искать телефон! Хоть какое-то средство связи, ключи от гаража, машины... хотя толку от них, если я не умею водить, но, может, он забыл где-нибудь телефон. Или закрыть его на чердаке... господи, какая же я дура!

Слезы все-таки проливаются на щеки, застилают глаза. Они кажутся ужасно горячими. Я так замерзла, что ежусь, кашемировый свитер совсем не спасает от пронизывающего насквозь ветра.

Стою на ледяном песке. Смотрю на безмятежную гладь воды, и меня трясет не то от страха, не то от холода.

– Набегалась? – слышу за спиной его голос.

Мысленно готовлюсь к удару, к его злости. Последствия попытки побега неизбежны, а от того, что у этой попытки не было ни единого шанса, еще обиднее.

Оборачиваюсь. Не знаю, что скажу, вряд ли его тронут мои слезы.

Твою мать. Он побрился. Переделся в светло-серую рубашку и потертые темные джинсы. Стоит в нескольких метрах от меня, сложив руки на груди, и несмешливо смотрит, всем видом излучая превосходство.

Но хуже всего то, что я его знаю.

Вот теперь мне по-настоящему страшно. Оказывается, до сих пор я не знала этого чувства.

Глава третья

Это было тоже весной. Я тогда не знал, к чему приведет банальный душевный порыв.

Поздний вечер, почти ночь. Стою на светофоре, хотя никого вокруг нет: ни машин, ни пешеходов. Но зачем-то стою. Может, потому что в пустой дом не слишком хочется. Надя с Митькой в больнице, лечат ангину, к ним пустят только завтра. А сейчас мне ничего не остается кроме как приехать домой, съесть что-нибудь полуфабрикатное и с полчаса-час попятиться в телек прежде, чем уснуть.

И тут в зеркало заднего вида я вижу ребенка. Девочку лет десяти, худенькую и растерянную. Она одета как-то уж слишком легко для этого времени года. К тому же без шапки: светлые волосы стянуты в высокий хвост. Надя никогда не выпускала Митю без шапки, а вечером и сама накидывала платок.

Девочка ежится от ледяного ветра и испуганно озирается. Рядом нет ни остановки, ни крупного магазина. Только мелкие яркие вывески на первом этаже длинного дома.

Почему меня заботит чужой ребенок на темной улице? Гораздо проще ведь забить и уехать, не подрываясь решать чужие проблемы.

Наверное, потому что дома растет свой.

Я разворачиваюсь на светофоре и останавливаюсь неподалеку от ребенка.

– Девочка! – зову я. – Ты почему одна? С тобой все в порядке?

Она осторожно подходит ближе. Хотя по всем законам педагогики не должна бы. Неужели ей не объяснили, что от дядей на машинах нужно держаться подальше?

– Я не на тот автобус села.

А сама почти рыдает, носом шмыгает.

– Денег на обратный, что ли, нет?

Мотает головой.

– А телефон?

– Нет.

– Мамин номер помнишь?

Ответ снова отрицательный. Я вздыхаю. Не оставлять же ее здесь?

– Адрес свой помнишь?

– Проспект Ленина пятьдесят два!

– Садись, доброшу.

Почему я не звоню в полицию? Впоследствии этот вопрос я буду задавать себе постоянно.

Я довожу ее до дома и высаживаю у темного невзрачного подъезда. Со строгим наказом: больше не теряться и ни в коем случае не садиться в чужие машины! А сразу же бежать в какой-нибудь магазин и просить вызвать полицию. Девочка кивает и дарит мне клубничную жвачку, которую я машинально кладу в карман.

– А меня Лиана зовут.

– Красивое имя.

– Ага. Как цветочек.

– Беги, цветочек. И больше не теряйся.

– Спасибо!

Она счастливо машет рукой на прощание – и убегает вверх по ступенькам. А я трюгаюсь с места, чтобы все-таки доехать до дома, перекусить и упасть в постель.

Я почти сразу понял, что Сергеева сбежала. Хотя поначалу даже испугался этой ее истерики. Мне совсем ни к чему была безумная баба в доме, да и безумие, пожалуй, искупило бы

ее вину. Но узрев разрушения в ванной, понял, что действовала она вполне осознанно. Беготне по всей территории я предпочел разборки с потопом. А когда все убрал и починил, то обнаружил дверь чулана открытой.

Да и к черту. Все равно дальше забора не убежит. Я все тщательно подготовил.

А еще пришло время показаться Сергеевой в истинном обличье. Так что не спеша, растягивая предвкушение кульминации, я побрился и переоделся. Стал похожим на человека, на прежнего Андрея Тихомирова. Хотя вряд ли я им остался: фамилию пришлось сменить.

Камеры позволяли следить за Сергеевой. Мне даже на миг стало ее жалко при виде того, с каким отчаянием она пытается найти выход. И как надежда медленно умирает, а девушка, поникнув, бредет к морю. Я неспешно вышел за ней и долго смотрел на точеный силуэт, идеальную фигуру, которую не скрывал даже мешковатый мохнатый свитер.

Какого хрена она носит эту дешевку, имея такую задницу и грудь?

Но вот Сергеева оборачивается – и я по глазам вижу, что узнает.

– Это вы... – ее губы бесшумно шепчут мое имя.

– Это я.

– Что вам нужно?

– Придумай сама. Ты ведь уже взрослая девочка, верно?

Я вижу отчетливый страх в ее глазах, но теперь этот страх осознанный. Больше нет неизвестности, дикого ужаса перед скрытым лицом неизвестного похитителя. Лиана Сергеева узнает его, но легче ли ей от этого?

Очень вряд ли.

– Идем в дом. Если ты сляжешь с пневмонией, я просто оставлю тебя здесь подыхать.

Она медленно делает шаг в сторону дома и тут же морщится, оседая на песок. Болит нога. Я бы мог ей помочь. Она, наверное, ничего не весит. Но вместо этого я стою и смотрю.

– Идти придется самой. Но если решишь ползти, прогибайся сильнее в пояснице, так вид лучше. Я, знаешь ли, с тех пор как вернулся в Россию, не трахался.

– Да пошел ты, – цедит сквозь зубы маленькая дрянь.

– Надо же, а я уж было на миг подумал, что ты хоть чуть-чуть раскаиваешься.

Гордая девка: выпрямляется и идет к дому, лишь чуть прихрамывая. Хотя каждое движение наверняка стоит ей адской боли. Ну ничего, зато пару дней она будет лежать в постели, прыгая до туалета. Зато не попытается снова сбежать.

– У тебя теперь нет души.

– Что, руки из задницы?

Надо же, как заговорила, когда его узнала. А то почти со слезами на глазах умоляла выпустить ее. Обещала никому ничего не говорить.

– Нет, просто раз ты не ценишь удобства, части из них я тебя лишу. Придется просить.

Я достаю заранее заготовленную рубашку и, когда мы оказываемся на чердаке, где еще немного сыро, но уже идеально чисто, бросаю ее на постель.

– Переодевайся.

– Что?

Спесь и бравада с нее мигом слетают.

– Переодевайся, я сказал. Одежда грязная и мокрая. В ней нельзя спать. А еще в рубашке не побегаешь по улице. Я не желаю вылавливать тебя из кустов. Переодевайся.

– Я... я не хочу...

До меня доходит, о чем она думает и даже жаль разочаровывать:

– Не бойся. Я тебя не трону. Физически.

– Что это значит?

– Это значит, что если ты будешь слушаться меня, не станешь делать глупости вроде той, что сделала сейчас, то я не стану делать тебе больно. Подсказываю: взять рубашку и переодеться в нее – первый шаг к жизни без неприятных ощущений.

– Зачем вы меня похитили?

Я молчу, но не потому что не готов дать ответ. Просто хочу ее немного помучить. Теперь она знает, кто я и, судя по реакции, помнит все, что случилось десять лет назад. Пусть еще разок вспомнит, во всех подробностях.

Она переодевается, и я не отказываю себе в удовольствии понаблюдать. В конце концов Сергеева из нескладного подростка превратилась в соблазнительную девушку. А я полгода готовил нашу встречу и за это время не нашел времени на секс. Хотя вряд ли у меня на нее вообще встанет, даже передернуть не выйдет толком. Невозможно возбуждаться от вида той, которую хочется уничтожить.

Но фигура хороша. Твердая троечка, накачанная задница, длинные стройные ноги. Хотя в девушках меня всегда больше всего заводила спина. Изящная линия позвоночника, ямочки на пояснице, изгиб талии и хрупкие плечи. Надя поначалу стеснялась, переодеваясь, и всегда отворачивалась, а я с наслаждением любовался ее спиной.

– Ложись, – говорю я, когда Сергеева застегивает последние пуговицы на рубашке.

Забираю ее одежду. Надо сжечь, чтобы и мысли не было снова попробовать сбежать.

– Вы же обещали...

– Я сказал, что не трону, если ты будешь слушаться. Вот и слушайся – ложись.

Даже с расстояния трех шагов видно, как ее потряхивает. Уж не знаю, что она там себе воображает, но, похоже, это намного страшнее того, что приготовил я. Хотя все это позже, сейчас я хочу забинтовать ее ногу. К вечеру наверняка опухнет и покраснеет, но если не зафиксировать, Сергеева изнается.

– Дай ногу, – приказываю, доставая из кармана эластичный бинт.

И аптечку я тоже приготовил. В моем шкафу есть лекарства на все случаи жизни.

Она прячется от меня под одеялом. Приходится вытащить ногу, чтобы я смог ее забинтовать. Наверное, это даже соблазнительно: обнаженная ножка поверх светло-серого одеяла. И мои руки, касающиеся холодной кожи. Каждое прикосновение заставляет Сергееву вздрагивать, а меня стискивать зубы.

Все внутри восстает против прикосновения к ней.

За десять лет я изменился. Приложил максимум усилий к тому, чтобы стать тем, кем меня называли. Подонком, монстром, психом. Я годами убеждал себя, что в нужный момент смогу к ней прикоснуться. Смогу разрушить ее жизнь так же, как она разрушила мою.

Но где-то в глубине души я все еще помню, каково это: бояться. И хоть сейчас страха нет, он изжит, выжжен нечеловеческими усилиями, вместе с собственной душой, *воспоминания* о страхе еще живут.

Лиана морщится и всхлипывает, а я понимаю, что слишком сильно сжал ее лодыжку. Ничего, потерпит. Не устроила бы потоп и не попыталась сбежать – ничего бы себе не повредила.

– Мы ведь можем поговорить... – Голос у нее не похож на свой.

– Обязательно, – отвечаю я. – Только когда я скажу. И о том, о чем я скажу. А до этого знаменательного момента постарайся меня не бесить. Чем меньше я буду слушать твое нытье, тем меньше у меня будет желание отступить от решения не причинять тебе боль, ясно?

Я заканчиваю с ее ногой, убираю остатки бинтов и поднимаюсь. На самом деле мне хочется связать ей руки, дабы не возникло нового желания мне что-нибудь расхреначить. Но не хочется подниматься к ней в течение дня, чтобы отвести в туалет. Да и бинтовать потом придется не только лодыжку. А чем меньше я нахожусь рядом с ней, тем больше у Лианы Сергеевой шансов.

– Я хочу есть, – говорит она, когда я уже у дверей.

– Потерпишь. Не заслужила.

Мне в спину летит что-то злобное, и некстати вдруг разбирает смех: Сергеева смелая лишь когда я далеко. А когда могу ее касаться, когда могу сжать больную ногу пальцами или одним движением скрутить ее и уложить в постель это самая кроткая и испуганная пленница на свете.

Трусливая и лицемерная дрянь.

Когда он уходит, меня накрывает тихой истерикой. Руки дрожат, они ледяные и слабые – признак падения давления. Мысли цепляются одна за другую, сначала я думаю о больной ноге и том, что с бинтом стало полегче, потому пытаюсь успокоить неистово колотящееся сердце. Потом на ум приходит вопрос: а сможет ли он помочь, если у меня слишком сильно упадет давление? Или начнется паническая атака?

Нужно успокоиться. Нельзя поддаваться страху.

Даже не знаю, повезло мне, что я его узнала, или нет. Одна из самых страшных вещей на свете – это неизвестность. Не темнота, не ожидание неизбежного, а неизвестность. И с одной стороны ее не стало меньше. Я все так же не знаю, что со мной сделают и есть ли у меня шанс вообще остаться в живых, но...

Но я хотя бы знаю, что заслужила это.

Со страхом и ненавистью в душе селится еще одно чувство, и я даже не могу дать ему название. Жалость? Сожаление?

Мне хочется разреваться, хочется сказать, что я не хотела, не понимала. Вернуть Андрею Тихомирову хоть часть того, что отняла. Но он не возьмет. Он уже не тот добрый парень, что подбросил меня, замерзшую и испуганную, до дома. Он превратился в того, кем его считали. Я превратила его.

Мое тепло его рассмешит. Оно и меня-то сейчас смешит, только смех этот с привкусом горечи.

Я долго валяюсь в постели. Спать совсем не хочется, а заняться больше нечем. Развлекать меня книгами или телевизором не планируют. И правда, я же не в санатории. Ступать на поврежденную ногу больно. Поэтому до ванной я прыгаю, старательно пытаюсь не подвернуть последнюю конечность. Только бы там не перелом! Хотя при переломе, наверное, болит сильнее.

Дико хочется есть. Я всегда завидовала девушкам, которым от стресса кусок в горло не лез. Я не могу думать о еде лишь непосредственно в момент переживания, а вот потом накрывает жутким голодом.

Андрей не приходит в обед и к вечеру. В крошечное окошко я смотрю на закат над морем. Страшно хочется выйти на улицу и вдохнуть вечернюю прохладу, но сейчас это несбыточная мечта.

Лишь когда над морем поднимается луна, замок на двери щелкает. Я не тороплюсь вскакивать с постели, рубашка слишком короткая, и я кутаюсь в одеяло. Андрей молча ставит на стол поднос и, даже не взглянув на меня, снова уходит. Когда его шаги стихают, я бросаюсь к еде. И ненавижу себя за этот порыв. Никакой гордости.

Снова яичница, на этот раз с сосисками. Я вообще никогда ее не любила, дома привкус жареных яиц вызывал тошноту. Но выбирать не приходится, и я съедаю все до последней крошки. Кроме яичницы на подносе только чай. Я медленно пью его, сидя у окна.

После того, как он высадил меня у подъезда, буквально через три часа мы с отцом поехали писать заявление в полицию. Или тогда она еще была милицией? Я помню, как сидела в кабинете следователя, каком-то жутко старом и неопрятном, совсем не вписывающемся в мир девочки из благополучной обеспеченной семьи.

- *Что он сказал?*
- *Что подвезет меня домой.*
- *И ты села в машину?*
- *Я не хотела.*
- *А он что сказал?*
- *Предложил жвачку.*
- *Какую жвачку?*
- *Клубничную.*
- *Ты взяла?*
- *Нет. Мама не разрешает брать у незнакомых еду.*
- *И что он тогда сделал?*
- Смотрю на маму.*
- *Убрал ее в карман.*

Он изменился. С нашей первой и единственной встречи Андрей Тихомиров изменился даже внешне. Я не знаю, куда он делся, как избежал срока. Знаю, что дело закрыли за недостатком улики или как-то так. Отчетливо помню, как папа бесился и кричал:

– Конечно, блядь, если у тебя в дружках Игорь Крестовский, тебя отмажут даже если ты вырежешь целую школу!

А мама его одергивала:

– Володя! Ну не при ребенке же!

А потом Тихомиров исчез. Газеты и бабушек на скамейках полихорадило еще с пару недель, и общественное внимание переключилось на другое происшествие. Но что творилось во время следствия...

Мы с мамой идем из магазина. Единственная мысль, которая меня занимает: успеем ли к любимому сериалу про ведьму Сабрину. Уж очень хочется посмотреть новую серию. Но мама не торопится: у нее новая стрижка и она хочет покрасоваться. Я знаю, что не стоит ее торопить: домой в этом случае мы придем быстро, но сериала я лишусь на несколько дней. Поэтому остается только надеяться, что успею хотя бы на конец.

После дождя асфальт влажный, всюду блестят мелкие лужи.

– *Лиана, смотри под ноги! У тебя же новые туфли!*

И я старательно обхожу все, даже самые крошечные, лужицы воды.

– *Подождите! – слышим мы взволнованный женский голос. – Подождите! Марина Сергеева?*

К нам спешит миловидная русоволосая женщина. Она явно чем-то расстроена: волосы взъерошены, глаза покраснели.

– *Ты Лиана? – Она вдруг смотрит на меня.*

А затем на маму. И у нее в глазах блестят слезы:

– *Зачем вы это делаете?! Зачем?!*

– *Вы кто вообще?*

– *Я его жена! Что вам нужно? Деньги?! Скажите, сколько!*

– *Ах, вот оно что. – Мама отодвигает меня за спину. – Или вы уходите, или я вызываю полицию. Немедленно отойдите от моей дочери!*

– *Мой муж ее и пальцем не трогал! Он не способен угрожать ребенку!*

– *Серьезно? Тогда почему же его арестовали? Неужели только на основании заявления? Очнись, девочка, ты замужем за маньяком!*

– *Андрей не способен тронуть ребенка! У нас сын растет! Он просто подвез ее, и все! Девочка...*

Она вдруг опускается передо мной на корточки. Из красивых серых глаз градом катятся слезы.

– Ну, зачем ты солгала? Ну, скажи, что он тебе не угрожал!

Мама все это надоедает. Она крепко берет меня за руку и тащит прочь.

– Так нельзя! Вы ему жизнь ломаете!

Мама оборачивается. Долго смотрит на эту несчастную женщину:

– Попросите вашего мужа объяснить тогда, что полиция нашла при обыске. Если он такой святой. И не приближайтесь больше к моей дочери, иначе окажетесь в соседней камере в СИЗО.

Мы идем прочь, и я боюсь обернуться и увидеть, как та женщина смотрит нам вслед.

Глава четвертая

Утром я открываю глаза и даже не понимаю, сколько времени. У меня нет часов, в комнате их тоже не наблюдается. Специально это сделано или Андрей просто забыл – неизвестно. Но, пожалуй, судя по цвету неба за окном, не больше восьми. Еще очень темно, почти как ночью.

Страх притупился. Превратился в тревогу, камнем лежащую на душе. Меня больше не трясет от мыслей о будущем. Но оно все еще туманно, разве что расцветает надежда: он не тронул меня, когда был момент, когда я подумала, что прикоснется. Кормит, забинтовал ногу. Значит, я нужна живая?

Для выкупа? Если Андрей десять лет скрывался, то ему нужны деньги, а у отца они есть. Вот только если бы я была уверена в том, что отец заплатит...

Поднимаюсь и осторожно ступаю на ногу. Больно. Наверное, сильный ушиб или вывих. Помазать бы мазью, но об этом даже просить страшновато. Вообще просить что-то у Тихомирова страшно, потому что я не заслужила даже взгляда.

Потом я умываюсь ледяной водой и делаю несколько глотков. Попросить воды – вот первоочередная задача. Воды, затем глянуть на настроение и попробовать закинуть удочку насчет "Финалгона" или другой какой мази для ушибов и вывихов. А потом думать о насущном и, быть может, попытаться поговорить.

Мое единственное развлечение: окно. Солнце встает с другой стороны, так что зрелище рассвета не такое уж захватывающее, но все равно красивое. Нежные пастельные цвета, блестящая гладь воды. Льда с каждым днем все меньше: я впервые вижу такую стремительную весну.

А потом вдруг я вижу Тихомирова. Он выходит на пляж для зарядки. Тайком я наблюдаю, как ходят под кожей стальные мускулы, когда он отжимается, как напрягаются мышцы пресса. Затем он раздевается и вдруг заходит в ледяную воду. У меня внутри все сжимается: я даже не представляю, как это холодно!

Обтирается водой и быстро выходит. На коже блестят капельки влаги, и нельзя не признать, что внешне он очень и очень хорош. Интересно, что с его женой? А еще, кажется, у него был сын. Они уехали вместе с ним? Они знают, что он собрался меня похитить?

Андрей вдруг поднимает голову и смотрит прямо на меня. Я отскакиваю от окна, приземляюсь на большую ногу и тихонько скулю, прижимая ладони к пылающим румянцем щекам.

Возвращаюсь в постель и следующий час терзаюсь сомнениями: притвориться спящей или все же сделать попытку выпросить воды и мазь.

Дом большой, звукоизоляция в нем хорошая, поэтому я не слышу, что происходит внизу. Это не ветхое здание, это частный коттедж на личном кусочке северного моря. Неужели он принадлежит Андрею? Мне слабо в это верится. Если в это поверить, то исчезнет надежда, что кто-нибудь все же найдет меня прежде, чем Тихомиров решится на что-нибудь страшное.

Он приходит, когда становится совсем светло. Привычно не глядя на меня ставит на стол поднос с яичницей. Я с трудом прикусываю язык в последний момент, с губ уже срывается: "Опять яичница!".

– Подожди! – прошу, стараясь выглядеть спокойной. – Мне нужно воды. Я не могу пить из крана.

– Хорошо.

– И у меня очень болит нога.

– Твои проблемы. Не надо было устраивать истерику.

Каков наглец! А сам он, если бы какой-то мужик связал его и засунул в багажник, не устраивал бы истерики?

– Ну, пожалуйста, – прошу я. – Можно мне какую-нибудь мазь?

– Я подумаю.

Не то чтобы меня устраивает такой ответ, но большего не дано. Андрей уходит, а мы с яичницей остаемся наедине друг с другом. Я пытаюсь заставить себя поесть, но организм успокоился после стресса и реагирует на яйца привычным образом: легкой тошнотой. Знаю, что через несколько часов завтрак станет еще противнее, но голод почти не ощущается, и я тяну.

Сколько проходит времени, не знаю, но Андрей снова возвращается. На этот раз с литровой бутылкой воды. Ставит ее на стол и... забирает поднос с нетронутым завтраком.

– Эй! Я же не поела!

– Твои проблемы, – снова получаю ответ.

– А мазь?

Но дверь уже закрывается.

Ладно. Пусть будет вода, я не планировала худеть, но легкое голодание организму не повредит. И зарубка на будущее: есть предложенное сразу.

Господи, как же мне скучно и тоскливо! Минуты и часы тянутся бесконечно. Я брожу по комнате, игнорируя боль в ноге, делаю зарядку, немного сплю. Кажется, я в чистилище. Зуб даю, что там примерно так же уныло и тревожно. И не происходит ни-че-го.

Правда, к вечеру Андрей возвращается. Когда я уже готова лезть на стенку от раздражающей изнутри скуки, он заходит в комнату, держа в руке какой-то синий тюбик. Мазь!

Я, наверное, должна рассыпаться в благодарностях, но, кажется, что меня кто-то проклял. И боги, хранящие заложниц, отвернулись от моего чердака. Потому что вместо "спасибо" я выдаю:

– Я хочу в душ.

– Ты своего уже лишилась. Перехочешь.

– Думаешь, тебе будет приятно, если заложница будет грязная? Со спутанными волосами?

– Мне будет плевать. Тебе нужна мазь или нет?

– Ну, пожалуйста, – сдаюсь. – Я больше не буду.

– Что не будешь?

– Убегать. Ломать. Пусти меня в душ, пожалуйста.

Во всех руководствах для оказавшихся в руках похитителей пишут совет: не смотрите им в глаза! Не наталкивайте их на мысль убить заложника, как ненужного свидетеля. Наверное, это не мой случай. Но об этом я не думаю, я просто смотрю на Андрея. На самом деле я вижу его второй раз в жизни, хоть и успела жизнь эту разрушить.

Он очень привлекателен. Светло-русые волосы, тонкие черты лица, очень выразительные глаза. Я не могу смотреть в них слишком долго, но до ужаса хочется заглянуть, узнать, что за маской, которую он надел. Что ждет меня и на что способен он.

– Хорошо. Пошли.

Еще одна маленькая победа. Не последняя, хочется верить.

Это сложнее, чем я думал. Причинить ей боль казалось таким естественным желанием все эти годы. Я не мог добраться ни до нее, ни до тех, кто действовал через нее, но с упоением ждал этого момента. А теперь приходится менять план прямо по ходу дела.

Сергеева должна была меня бояться. Томиться в неизвестности и не быть уверенной в том, доживет ли до утра. А вместо этого ее уже заботят душ и мазь для ушибленной ноги. И не удивительно, я ведь сам пообещал ее не трогать. Меня поразил испуганный взгляд, поразила мысль о том, чтобы и вправду ее мучить.

Я не хочу становиться настоящим насильником. Хотя меня все таковым и считают.

Мы идем до второй ванной комнаты с душевой кабиной. Есть еще одна на первом этаже, но там угловая здоровая ванна, а я не готов ждать, пока Сергеева вволю поплещется.

– У тебя десять минут, – говорю я, когда мы оказываемся внутри. – И если ты что-нибудь выкинешь или сломаешь, я запру тебя в чулане на сутки. Будешь спать стоя.

– Я ничего не сделаю.

Удивительно кроткая и послушная девочка. Будто и не она носилась вчера по территории, предварительно расхреначив половину ванной.

Сергеева вопросительно смотрит, и мне становится смешно.

– Что?

– Ты... выйдешь?

– Нет.

В ее глазах снова вспыхивает страх.

– Я уже однажды оставил тебя один на один с ванной комнатой, и что ты сделала? Нет уж, либо ты быстро моешься под моим наблюдением, либо мы возвращаемся в комнату.

Она медлит, и я начинаю злиться.

– Я уже говорил, что не собираюсь тебя трогать. Успокой свое самомнение, ты не настолько хороша, чтобы мужчины в твоём присутствии теряли голову. У тебя осталось восемь минут.

Она смеряет меня возмущенным взглядом, но заходит в душевую кабинку и только там снимает рубашку. Матовое стекло скрывает все подробности, оставляет лишь силуэт. Я думал, наблюдать за ней будет просто, но оказывается, что скрытое полутонами еще привлекательнее, чем полностью доступное.

Так странно возбуждаться от контуров соблазнительного девичьего тела, когда в полном доступе многогигабайтная коллекция порнухи. Уже давно нет никакой тайны в женском теле, за пару кликов в браузере можно получить контент любой степени эротичности. И уж тем более не должна возбуждать Лиана Сергеева.

Но она превратилась в очень красивую девушку, и этого я в своих планах не учитывал. Но и отступать не собираюсь, уйти сейчас это все равно, что признать поражение.

В конце концов, я имею право на эстетическое удовольствие.

Шум воды стихает, а из-за двери душевой появляется мокрая светлая голова.

– Я не взяла полотенце, – признается Сергеева.

Я молчу.

– Ты не принесешь?

– Ты всерьез считаешь, что я сейчас метнусь тебе за полотенцем? – спрашиваю я в ответ. – Твои проблемы.

На этот раз Лиана уже не смотрит на меня с недоверием. Кажется, до нее постепенно доходит, что лучше слушаться – и тогда хоть какие-то послабления становятся возможны. Она надевает рубашку прямо на голое тело, и хлопковая ткань тут же намокает и становится прозрачной. Я беззастенчиво и нарочито медленно веду взгляд по капелькам воды на шее, по темно-розовым соскам, проглядывающим через ткань.

Она без белья. Неожиданно эта мысль слегка пугает, потому что вообще не должна возникнуть. Но все же возникает и прочно селится в голове.

Девушка делает шаг к двери и... поскользывается, рискуя как следует приложиться головой об угол душевой. За долю секунды в моей голове мелькает жуткая картина с последствиями: кровь на кафельном полу, дорога до больницы, объяснения, полиция и снова СИЗО, теперь уже за дело. Но тело, натренированное спортом, действует само: я успеваю подхватить Сергееву и поставить на ноги.

Она почти ничего не весит. А еще теперь и я тоже мокрый. Идиотская ситуация!

– Пошли, – бурчу куда грубее, чем следует.

На ламинате остаются мокрые следы аккуратных женских ножек. Сергеева прихрамывает и осторожно ступает на больную ногу. Даже с расстояния я вижу, что лодыжка припухла и покраснела. Потрясающее у девки везение. Почти как мое.

– А мазь? – едва мы заходим, спрашивает она, будто боится, что я забуду.

Но не думает же, что я просто отдам ей тюбик?

– Ляг.

– Я могу сама, – упрямится.

– Нет, не можешь. Я не дам тебе в руки никаких лекарств. Если хочешь мазь, то ложись.

Довольно забавно наблюдать, как она забирается под одеяло, укрываясь им с головой. Даже не приходит в голову сначала высушить волосы, так хочется скрыться от моего взгляда. Значит, заметила недвусмысленный интерес. Испугалась.

Я разогреваю мазь в ладонях и не без удовольствия начинаю втирать в лодыжку Сергеевой. В конце концов, я мужик. Я не жил монахом эти десять лет, любая тоска по семье рано или поздно отступает. Но в последние полгода было как-то не до секса. Сейчас тоже не до него, но я будто разрешаю себе чуть больше в счет давнего аванса.

Однажды я проснулся и понял, что сил прятаться и делать вид, будто новая жизнь – не временная маска, больше нет. Именно тогда я позвонил старому другу, узнал, что человек, помогавший мне скрыться, мертв и возвращением я никому не смогу навредить. Хоть дело и давно закрыто, мне не хотелось подставлять тех, кто помог.

Однажды я проснулся и понял, что с этого момента сделаю все, чтобы стать настоящим подонком. И даже если месть будет последним, что я успею сделать, она принесет мне долгожданный покой.

Пока не выходит, но я всегда был упорен в достижении целей.

Я втираю мазь в ногу машинально, думая о своем, и вскоре понимаю, что какие бы чувства не испытывала ко мне Лиана, какая бы ненависть не сжигала ее изнутри, сейчас ей почти нравятся горячие касания моих ладоней. После душа кожа влажная, а согревающая мазь сделала ее мягкой и нежной. Мне даже интересно, я массирую лодыжку и глажу ступню. Обычно девушкам щекотно, но эта даже не дергается. Она вообще притихла и задумалась, и только расслабленная поза и закрывающиеся от удовольствия глаза говорят о том, что это не тревожное смирение перед волей похитителя.

Черт, кажется, от такого массажа ступней можно и кончить. И мне бы даже было интересно на это посмотреть, если бы Лиана Сергеева не была... собой.

Усилим воли я стряхиваю наваждение и убираю руки. Поднимаюсь, жажда оказаться от нее как можно дальше, и слышу слабый стон разочарования.

– Я так больше не могу, – вдруг говорит Сергеева. – Мне страшно. Я знаю, что виновата. Наверное, я заслужила. Но неужели тебе помешает то, что я узнаю, что со мной будет?

А я и сам не знаю, помешает мне это или нет. Когда я думал об этом времени с ней в одном доме, то в фантазиях Лиана умоляла отпустить ее, боялась лишний раз на меня взглянуть. А не млела от втирания горячей мази в больную ногу и не лежала в мокрой рубашке на голое тело после душа. Реальность вообще редко согласовывается с фантазиями, но вынужден признать – в этот раз все действительно повернулось несколько неожиданно.

– Хорошо, – медленно говорю я. – Хочу пообщаться с твоим папашей. Чтобы он тебя искал. Чтобы пересрался от страха. Чтобы почувствовал, что это такое: не знать, где твой ребенок, жив ли он вообще, здоров ли. Чтобы отчаялся и проклял все на свете за попытку меня посадить. Насколько мне известно, он уже не всемогущий хозяин жизни. Данков в розыске, Шевронин сел. Кто теперь поможет твоей семейке? Только чудо. Или моя добрая воля.

– Но... – Она с шумом сглатывает. – Папа вернется только через месяц. Его нет в стране.

Да, со сроками я немного промахнулся. Кто же знал, что Сергеев свалит в штаты? Можно, конечно, и там его достать, но зачем, если через три недели с хвостиком он будет здесь и получит приятную весть о своей дочурке. Он все так же использует ее для своих дел, интересно?

– Вот видишь, как все замечательно сложилось. У тебя есть целый месяц, чтобы поразмыслить, какой сукой ты была.

– Мне было двенадцать.

– Для двенадцати ты неплохо сыграла.

Молчит. Отводит взгляд и молчит – все прекрасно понимает. Наверное, детям не мстят, но я и не убивать ее собрался.

– Ты меня отпустишь?

– О, да. Когда твой папаша набегается по лесам в поисках не то тела, не то следов, я тебя отпущу. Выкину на трассе – и дальше твои проблемы. Доберешься до города – молодец, сдохнешь в канаве – естественный отбор. Еще вопросы будут?

– Можно мне поесть? Я больше не буду отказываться.

Надо же, какие мы кроткие и послушные. Надо будет запомнить название мази, прямо-таки седативный эффект оказывает!

– Только... есть что-нибудь кроме яиц?

– Я тебе че, бля, ресторан?! – не выдерживаю я.

– Извини. Просто меня с яиц тошнит, я не очень хорошо переношу яичный белок. А так я все ем. Ну... кроме рыбы. На рыбу у меня аллергия. И на инжир. И...

– Стоп! – Я поднимаю руку, и Лиана испуганно замолкает. – Мне не интересно, на что у тебя аллергия. Не хочешь жрать яйца – не хочешь жрать. Можешь съесть и проблеваться, мне плевать.

Кажется, я ее все же напугал. Кто бы мог подумать, что страх передо мной в Лиане зародится не от похищения, жизни взаперти и угроз, а от обещания отпустить. Ну да, я не стану организовывать для нее трансфер до города. Выкинуть здесь, вдали от трассы, было бы слишком жестко, замерзнуть как нехрен делать и машины хорошо если пара штук за день ездят. Но на трассе-то уж крайне сложно влипнуть в неприятности. Кто-то да вызовет ментов или подкинет до города. Интересно, что есть причина такого ужаса? Надо будет при случае разобраться.

Но проклятая жалость слабо шевелится внутри, и я объясняю:

– Холодильник сдох и из продуктов только яйца и бекон. После того, как я съезжу в город, получишь что-нибудь еще.

Успокоить не получилось: ужаса в огромных глазищах становится еще больше.

– Ты уедешь и оставишь меня здесь?

– Нет, привяжу к машине, и будешь за ней бежать. Естественно.

– А если ты не вернешься?

– Значит, – я усмехаюсь, – судьба у тебя такая.

Становится совсем темно, а света на чердаке нет, я не стал монтировать проводку, когда готовил комнату. Тогда это казалось хорошим решением, а сейчас уже не уверен.

Я быстро ухожу, оставляя Сергееву в темноте и тишине. Мне надо подумать и определиться с дальнейшими действиями. Четыре недели наедине с заложницей... это будет не так просто, как кажется.

Глава пятая

Мне давно не было так страшно. Четыре недели! Четыре недели на темном чердаке, практически на привязи. И если бы это был конец... Самое страшное то, что я совершенно не уверена, что отец вообще будет заниматься моими поисками.

Хотя это во мне говорит паника. Со смерти мамы мы почти не общаемся, но ни в деньгах, ни в просьбах папа не отказывает. Особой любви с его стороны, конечно, нет, вряд ли его волнует, жива ли я, здорова ли. Иногда мне кажется, что такие, как он, вообще не способны любить. Ни жен, ни детей. Мы все как средство достижения целей: жена – чтобы создать образ семьянина, ребенок – чтобы сыграть на материнском инстинкте избирателей. Красивые слова в газетах для голосов, красивые фото в сети для рейтинга.

Настоящая любовь продается плохо. По крайней мере, в бизнесе и политике.

Я не уверена, что в битве гордости и ненависти к Тихомирову и отцовским долгом победит второй. И если отец решит любой ценой добить давнего соперника – станет ли дочь приемлемой жертвой? Полагаю, да.

Но все же меня отпустят. Тихомиров не похож на конченого подонка, а значит, нужно пережить четыре недели. До меня вдруг доходит: свой двадцать третий день рождения я встречу здесь, на чердаке дома у моря. Да, шарик повесить негде, да и торт мне вряд ли привезут.

Можно ли сойти с ума от скуки? А от мыслей и воспоминаний? Я плохо помню то время, когда меня таскали давать показания. Зато помню кое-что другое и очень хорошо.

Красный фломастер закончился, но где-то есть красная гуашь. Я роюсь в ящичке стола, чтобы найти волшебный бутылек с краской, как в комнату вдруг заходит папа. Это странное событие, обычно его в это время никогда нет дома, но даже если и есть, то моя комната – последнее место, куда он зайдет.

– Лиана, – он садится на постель. – Мне надо с тобой поговорить.

– О чем? – живо интересуюсь я.

– Мне нужна твоя помощь в одном важном и секретном деле. Ты умеешь хранить тайны?

Тайна? С папой? В важном деле? Я не могу ответить иначе, любопытство уже бурлит в крови.

Конечно, я киваю и слушаю с интересом. Тем более, что задание – прямо как в любимых книжках про девочку-детектива. Поздно вечером, под присмотром мамы, попросить плохого парня меня подвезти и угостить его жвачкой.

– В жвачке спрятан маленький жучок. Мы послушаем его разговоры и отдадим милиции. Хорошо?

– Он сделал что-то плохое?

– Да, малышка, – улыбается папа. – Он украл очень много денег у нас с мамой.

Когда мы выходим в гостиную, мама бросает на нас сердитый взгляд. У нее поджатые губы, как всегда, когда она злится. Похоже, маме не нравится, что у нас с папой секрет. Но я еще не понимаю, почему.

Я трясую головой, прогоняя невеселые воспоминания. Можно бесконечно задавать себе вопросы. Мог ли ребенок понять, что его толкают на оговор? Мог ли распознать в словах отца ложь, да и была ли она там – по крайней мере, в части про воровство? А самое главное, если бы эта наивная дурочка, которая бездумно обрадовалась секрету с папой, вдруг поняла, на что ее толкают – смогла бы она отказаться?

Пожалуй, если бы была чуть хитрее табуретки – да. На счастье папы и на беду Андрея я оказалась неплохой юной лгуньей.

Я проваливаюсь в сон, но от безделья и постоянного напряжения он какой-то нездоровый. Впервые в жизни мне снится не картинка, не воспоминание и не кошмар, а... ощущение. Мягкий и нежный массаж ступней: в темноте я не могу рассмотреть человека, который рядом со мной, но чувства такие яркие, что я буквально растекаюсь лужицей. Это самое приятное из всего, что случилось со мной за всю жизнь! Я не уверена, но думаю, что это – круче чем секс. К сожалению, с первыми лучами солнца приятное наваждение исчезает.

Мое единственное развлечение: окно. Не могу сказать точно, надеюсь ли увидеть в нем Андрея, но думаю, что скорее да, чем нет. Похоже, он ежедневно выходит на пробежку и зарядку, а еще игнорирует и ветер, и утреннюю прохладу. Ну и меня: на этот раз он не смотрит в окно чердака, просто молча заканчивает упражнения и уходит.

Где же он был? Ощущение, что Тихомиров не скрывался от закона, а качался и отдыхал все десять лет, как какая-нибудь кинозвезда. Вряд ли он расскажет, как провел это время.

А я, пожалуй, победительница в номинации "Самая унылая девушка десятилетия": закончила школу, мама погибла, пьяной влетев в столб, из-за чего я завалила экзамены и папе пришлось платить за мою учебу. А когда меня выпустили из универа с дипломом, вдруг поняла, что не умею и не хочу работать по специальности. И нет ни единой мысли, как и зачем вообще жить дальше.

Ну и вот я здесь. Хороший жизненный урок вышел: если повезет, и я окажусь дома, то сразу же возьму себя в руки и начну двигаться хоть куда-то. Хочется прокричать: я поняла, как все работает, верните меня назад!

Но такая роскошь мне недоступна.

Андрей приходит примерно через час. Светлые волосы влажные, а рубашка чистая и свежая. В руках у него рубашка для меня и тюбик с мазью.

– Доброе утро, – говорю я. – А можно мне поесть?

– Тебя же тошнит от яиц.

– От голода меня тошнит сильнее.

Он бросает мазь на кровать.

– Как нога?

– Лучше. Хотя еще болит.

– Мажь.

Мы оба понимаем, что его слова о недоверии ко мне растворились в темноте, разбились о прикосновения и тепло разогреваемой между ладонью и лодыжкой мази. Разбились с таким треском, что всю ночь эти прикосновения мне потом снились. Интересно, а он запомнил? Хотя бы краешком мысли вернулся к той паре минут?

Я думаю совершенно не о том.

– Можно спросить? – и говорю тоже, но удержаться не могу.

– Спроси.

– Как ты сбежал?

– Друг помог.

– А почему не вернулся, когда закрыли дело?

– Не было смысла.

– А сейчас есть?

– Как видишь. – Он с усмешкой окидывает взглядом чердак.

– Я могу попросить книгу?

– Нет.

– Почему?!

– Я тебе что, магазин на диване? Это не санаторий.

– За четыре недели я свихнусь! Зачем тебе поехавшая крышей девушка на чердаке?

– Да мне плевать на состояние твоей крыши.

- Но так же нельзя...
- Назови хоть одну причину, почему.
- Ты обещал не мучить.
- Физически, – напоминает Андрей.

Я лихорадочно ищу аргументы, но понимаю, что ему действительно нет резона меня развлекать.

– У меня нет причин, – наконец сдаюсь. – Мне просто очень грустно здесь одной. Если нельзя книгу, то хотя бы... я не знаю, листочек и ручку? Или карандаши?

– Посмотрим.

Теперь я буду ждать его приходов и надеяться. Хочется верить, что Андрей не такая уж сволочь, какой хочет казаться.

– Закончила?

Я втираю последнюю каплю мази и к собственному стыду чувствую разочарование! Так, как у него, не выходит. Горячо, осторожно и в то же время уверенно. Я всегда ненавидела, когда касались лица или ступней, но вчера готова была полцарства отдать за массаж! А сейчас у меня и на сотую долю не получилось повторить того эффекта.

Кажется, крыша у меня едет раньше, чем ожидается.

Потом Андрей приносит завтрак. Ну что ж, это не яичница, это два вареных яйца с зеленым горошком. Вот и зачем было врать, что холодильник навернулся и никакой еды больше нет? Меня бы устроила банка горошка. Мужчины! Для них трава – вообще не еда, а ее украшение.

Впрочем, вареные яйца я съедаю с куда большим удовольствием, чем жареные. По крайней мере, пока они горячие. Потом долго сижу с кофе у окошка, смотрю на море и по какой-то причине ощущаю легкое веселье. Наверное, нервное. Но все равно я радуюсь, что безумный страх перед неизвестностью позади. А еще будто ощущаю перемены.

Довольно странно ждать от жизни чего-то светлого, сидя на чердаке вдали от цивилизации, наедине с единственным человеком в мире, которого интересует моя судьба. Правда, немного не в том ключе, в котором мне бы хотелось.

Я отстраненно думаю, что на курсах потеряют, и я пропущу кучу книг, которые потом придется перечитать. Клиенты уйдут к другим, а ведь до лета осталось всего ничего, самое хлебное время! Работа – одна из немногих вещей, которые мне нравились. Хоть я и понимала, что невозможно всю жизнь расслабленно трудиться по часу-два в день.

Сейчас свободного времени хоть отбавляй, но использовать его не выходит.

А кофе, кстати, очень даже неплох. Интересно, Тихомиров сам его варит?..

Мне хочется расхерачить половину посуды и приходится сдерживаться. Ярость бурлит внутри, к этому состоянию я привык, но сейчас злюсь на себя. Чувствую себя херовым актером в дешевом спектакле.

В голове все было легко и просто. Подогреваемая злостью фантазия неслась как поток бурной горной реки. Я почти наяву видел, как привожу Сергееву сюда, как наслаждаюсь ее страхом, как плачу за все, что она и ее семья сделали с моей. В этой иллюзии Сергеева была беспринципной дрянью, не способной на человеческие эмоции.

Я даже не подумал о том, что маленькие девочки способны вырастать в юных девушек. И что монстр, нарисованный годами ненависти, может оказаться не таким отвратительным, как я себе придумал.

Вот она, на чердаке, запертая от всего мира. Мсти – не хочу! Только врать себе нет смысла, вместо наглой лживой сучки там испуганная девчонка. Может, она тысячу раз стерва, миллион раз порочная сучка, но сейчас она смотрит так, что выворачивает наизнанку.

И еще она спит с моим сыном. Эта мысль окончательно сносит крышу, и я бросаю чашку в стену. Легче не становится, мрачно смотрю, как по светлому кафелю стекают кофейные капли, а во рту горький привкус не то обиды, не то обреченности.

Правда в том, что в игре, что я начал, сам уже проиграл. И можно напугать Сергееву еще сильнее, можно сколько угодно строить из себя маньяка из дурацкого триллера, но чем чаще я захожу в ее комнату, чем чаще готовлю для нее еду и чем больше разговариваю, тем меньше у меня шансов найти в себе силы, чтобы причинить ей хоть какую-то боль.

Ее отец – другое дело. Только мысль о том, что эта мразь на стенку полезет от понимания, что его дочь со мной, заставляет меня вставать по утрам и неизменно запирает дверь чердака на ключ.

Только вот полезет ли? Насколько такие, как Сергеев, вообще способны любить своих детей?

Усилим воли я заставляю себя отвлечься от невеселых мыслей. Нужно купить продуктов, потому что яйца и мне, признаться, жутко надоели. Поэтому я собираюсь в ближайший ПГТ, в котором есть приличный супермаркет. Невольно в голове всплывает вопрос Сергеевой, что будет, если я не вернусь.

Я могу погибнуть в ДТП по дороге, какой-нибудь наркоман может проломить мне череп в переулке у магазина, на худой конец даже у здоровых мужиков, бывает, просто останавливается сердце. И тогда девчонка останется одна, в глуши, на закрытой территории, куда нет ходу посторонним.

Когда Крестовский забьет тревогу? Успеет ли она дотянуть?

Черт, в голову лезет всякая дрянь. Конечно, он забьет тревогу быстро, даже два дня молчания тревожат старого друга. Он знает, что у меня есть этот дом, не знает только для чего я попросил его купить. Но примчится, если я не отзвонюсь, быстро.

Как ни крути, бояться Сергеевой тупо нечего. Но она пока об этом не знает.

В супермаркете я снова злюсь на непрерывную борьбу внутри. Часть меня требует аскетичного образа жизни. Уж по крайней мере нет смысла баловать деликатесами пленницу. А другая просто сметает с полок все, что кажется хоть немного привлекательным.

Дорогущая в не сезон черешня, киви, бананы, небольшая банка с мексиканской клубникой по цене крыла от самолета. Мясо, полуфабрикаты, овощи и крупы. Я не слишком хорошо готовлю, поэтому стараюсь выбирать что-то простое, с инструкцией на обороте. Может, замороженные нагетсы и блинчики и не совсем вписываются в рацион обеспеченной девушки, следящей за собой, но с этим ей придется смириться.

Все время, что я брожу между полок и скидываю в тележку продукты, что-то грызет душу, будто я забыл выключить утюг или закрыть дверь. Эта мысль вызывает странный иррациональный ужас. Мне не хочется даже представлять, что станет с девчонкой, если я проявлю подобную беспечность. К счастью, утюга у меня в доме просто-напросто нет, а на всех остальных приборах умные датчики, управляющиеся со смартфона.

Потом доходит: она просила книгу.

И вот я стою посреди супермаркета и не понимаю, почему мне до ужаса хочется подняться на второй этаж торгового, в книжный, и эту книгу ей выбрать.

Злюсь на себя и, конечно, не иду ни в какой книжный. Но в отдел с канцелярией и журналами все же заворачиваю. Плевать на развлечения Сергеевой, но если она начнет сходить с ума от безделья, то будет доставать меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.